

КАТОРГА В ЦВЕТАХ

19

В череде новоявленных бенефисов под гипнотизирующим названием «Национальное достояние России» бенефис знаменитой воронежской актрисы Риммы Мануковской — самый долгожданный. Встреча была назначена еще на осень, но не состоялась, поскольку по дороге ухитрились потерять декорации.

Эту чисто театральную дикость современница и соперница Сары Бернар, не менее знаменитая актриса мадам Александра, которую в пьесе Ж. Ануя «Коломба» на сцене академического театра драмы имени А. Кольцова играет Р. Мануковская, прокомментировала бы, как всегда не стесняясь в выражениях.

Переписанная на французский манер «Чайка» — пьеса «Коломба» (по-французски «голубка») рассказывает о том, что получится, если мечтающая о красивой театральной жизни молоденькая цветочница выйдет-таки замуж за бесталанного и нищего сына знаменитой актрисы.

Юной француженке не пришлось ехать в Елец, но вместо общения с попутчиками вагонов третьего класса и образованными купцами на ярмарках, ей приходится подчиниться прихотям лыстивого театрального окружения, не менее циничного и наглого.

В этом мире царит мадам Александра. При ней, как при чеховской Аркадиной, Сару Бернар лучше не хвалить. Царит она не по праву таланта, который давно выродился в ремесло. Царит потому, что успела ухватить зубами и судьбу, и театр, подчинив себе и сцену, и окружение, достаточно ничтожное, хотя и многоликое.

Римма Мануковская играет мадам Александру, язвительно посмеиваясь и весело огрызаясь. Она бывает черства и завистлива, но все это и многое другое придает ей особый шарм примадонны, для которой служение искусству вовсе не религия, а форма эгонстичного самоутверждения.

Пышнотелая, ослепительно улыбающаяся «императрица сердец» (так названа одна из ее сценических героинь) благосклонно позволяет себя обожать, никому ни в одном слове не веря. Ремеслом она владеет достаточно, чтобы, репетируя новую роль, с первых реплик понять, что с нею справиться. А потому мадам куда больше увлечена общением с молоденькой женой сына, возмечтавшей о служении великому искусству. Чем эти мечтания обернутся, знаменитая актриса знает, больше того, предвидит. Но муки творчества (свои и чужие) не затмевают для мадам Александры самой главной заботы: «Надо успеть пообедать!». И пылкая претендентка быстро ей надоедает — со спокойным цинизмом старая театральная волчица бросает Коломбу на волю банальной судьбы.

Мадам Александра комфортно чувствует себя в атмосфере дурного классицизма, которым, судя по всему, кормится всю жизнь и который для стороннего и восторженного зрителя имеет свою притягательность (художники А. Голод и Е. Воронина увлеченно придумывают этот пышный и радужный мир кулис, не теряя ироничного к нему отношения).

Ирония мадам Александры — ирония иной природы. Это ирония усталости. Прелестные банальности околосценической жизни ее не увлекают и давно не вызывают умиления. Собственное великое прошлое она окружающим просто умело внушила, а сама давно живет на каком-то «средстве Макропулоса», ко-

торое того и гляди кончится. Все тайные силы подсознания она обратила на неистовую борьбу с неизбежным старением.

Окружающие столь же умело корчат из себя восторженных обожателей, загнипнотизированных ее талантом, величием и «парением духа». Но все это нарочно и нарочито. На самом деле все озабочены только собой, урывая от блестящей жизни свои удовольствия.

Цинизм этой логики топится в бравурно-торжественных вальсах, врывающихся в спектакль, едва отмурлычат свои невесомые песенки знаменитые шансонье (ох уж эта российская традиция играть Францию!).

Режиссер Анатолий Иванов с некоторой долей уважения относится к подобному старому театру, признавая законность его существования, его «системность» и традиции. Драматург обличал пронизывающую все сферы творчества буржуазность, а режиссерские краски по поводу той же буржуазности за-

мешаны иначе — в них меньше гротескового яда. Даже назначенный в гении стихоплет, названный в пьесе Нашим Дорогим Поэтом (Ю. Кочергов) и наглые соблазнитель Коломбы, дельцы Дефурнет и Дубарта (В. Соколов и П. Говоров), попытавшись поначалу существовать в стилистике французского гротеска, быстро «перековываются» в персонажей театра российских равнин. А все потому, что в спектакле явно возобладала тенденция к мелодраме, традиции которой в нашем театре крепче и зрителю понятнее.

Хоть обманутый муж и бегаёт по театру с водевильным ружьем, но и режиссер и артист Е. Малишевский, играющий мужа Коломбы Жюльена, ему искренне сочувствуют. Они оба не заметили, что у автора Жюльен — перезрелый и безвольный Ромео, женившийся опрометчиво и некстати. Он слишком демонстрирует свои страдания, чтобы ему можно было поверить до конца. Столь же самостоятельно решен реальный соблазнитель Коломбы, второй сын Александры Арман (С. Карпов). Это не «сквозной ветерок», живущий поверхностно и блестяще, как велел драматург, а несколько мрачноватый дельец новой формации. Их отношения с Коломбой, по Ануя банальные и необязательные, окрашены в спектакле унылым «серьезом».

Режиссер пытается доказать, что живя в реальности, герои пьесы явно становятся неталантливый — талантлив в реальности только завистливый интриган и сплетник Ласюрет (Ю. Лактионов), чье почти дьявольское знание человеческой природы, пожалуй, глубже, чем даже у самой мадам Александры. Это, наверно, и помогает ему выжить.

Довольно скоро мелодрама начинает в спектакле преобладать. Вполне водевильные перипетии «театрального крещения» юной Коломбы (ее трогательно и изычно играет Н. Мирандола) оборачиваются драматическими коллизиями «Талантов и поклонников» А. Н. Островского. Происходит приснопамятное взаимопроникновение культур, на другом, правда, уровне и по иному поводу.

Сама же мадам Александра из какой бы то ни было реальности явно выключена. С одной стороны, это ее спасает от необходимости реагировать на интриги и в них участвовать. А с другой — помогает сохранить силы для своей реальности — театральной сцены, в святой любви (и наверняка не меньшей ненависти) к которой она вовсе не намерена признаваться кому бы то ни было.

Ее трагедию дано видеть только глупенькой Коломбе, да и то однажды, когда они со старой костюмершей мадам Жорж покидают театр после очередного спектакля. Происходит фантастическое преобразование. Вместо ослепительной, разодетой в шелка коронованной красавицы, театр покидает смертельно усталое, погасшее существо, чьи вполне старческие заботы ничем не отличают «императрицу сердец» от ворчливо-покорной старухи-костюмерши (чудесная работа К. Трапезниковой).

Фаина Раневская однажды назвала балет «каторгой в цветах». Если попытаться определить словами — что же такое театр, наверно, потребуются куда менее эlegantные выражения. Проще говоря, будь он проклят! Хотя, куда же от него денешься?

Да здравствует театр!

Александр ИНЯХИН.